МИРОСЛАВА ВЕРЕСКОВА

ДВОЙНОЙ ТАРИФ ЗА ЧУДО

Предновогодняя романтическая комедия

РОМАНТИЧЕСКАЯ КОМЕДИЯ ◆ МОСКВА

Мирослава Верескова

Двойной тариф за чудо

«Автор»
2026

Верескова М.

Двойной тариф за чудо / М. Верескова — «Автор», 2026

Что делать, если двадцать восьмого декабря вместо редкого марципана для четырехсот пряничных замков строительного холдинга тебе привозят три центнера замороженного минтая? Шеф-кондитер Матвей Берсенев врывается в диспетчерский зал компании доставки, готовый разнести виновных в щепки. Но начальник группы кризисной логистики Аглая Корсакова не привыкла отступать.Их ждет семьдесят два часа чистого безумия: похищение сырья под видом Деда Мороза и Снегурочки, ночные дороги, экзамен перед консервативными родителями и фальшивая помолвка, стремительно выходящая из-под контроля. Когда на кону стоят любимое дело и свобода от чужих ожиданий, любой расчет бессилен перед настоящим чувством.

© Верескова М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Минтай вместо марципана 5
Глава 2. Протокол внештатного соглашения 9
Глава 3. Жёлтая тыква на Чистых прудах 13
Глава 4. Похищение марципана под видом Снегурочки 17
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Двойной тариф за чудо

Глава 1. Минтай вместо марципана

Двадцать восьмого декабря в половине девятого утра в ситуационном центре компании «Экспресс-Вектор» пахло не праздником, а перегретыми блоками бесперебойного питания, дешевым растворимым цикорием и чистым первобытным ужасом. На трех настенных экранах гигантская карта столичного региона пульсировала тревожным багровым цветом: МКАД стоял в глухих девятибалльных заторах, на развязке возле Люберец перевернулся прицеп с искусственными полутораметровыми соснами, а автоматическая система распределения заказов каждые сорок секунд выплевывала в общий лог предупреждения об исчерпании свободных курьерских бортов.

Аглая Корсакова сидела на краешке высокого вращающегося стула, поджав под себя длинные ноги в плотных шерстяных гетрах, и сосредоточенно вглядывалась в бегущие строки монитора. Ее правая рука с зажатой гелевой ручкой двигалась с пугающей механической скоростью, оставляя на полях плотного блокнота в коралловой обложке аккуратные бисерные пометки. Тёмно-русый пучок на ее затылке, собранный утром с идеальной армейской строгостью, уже успел немного накрениться набок, и пара тонких прядей щекотала щеку, но Глаша даже не думала их поправлять. В предновогодние дни любое лишнее движение считалось непозволительной роскошью.

«Борт двести сорок два, ответьте центру», проговорила она в микрофон гарнитуры, не повышая голоса, но вкладывая в каждое слово столько ледяной убедительности, что сидевший за соседним столом стажер судорожно сглотнул. «Если вы не успеете забрать охлажденную осетрину из распределительного узла в Домодедово до полудня, заказчик подаст иск о срыве банкета для коллегии адвокатов. Нет, снегопад не считается обстоятельством непреодолимой силы. В пункте четыре точка два вашего договора ясно сказано: сезонные осадки входят в стандартный предпринимательский риск. Поднимите цепи противоскольжения и двигайтесь по дублеру. Время пошло».

Она нажала кнопку отбоя, сделала крошечный глоток остывшего двойного эспрессо и шумно выдохнула через нос. На соседнем секторе логистической сетки мигала новая аварийная точка: в районе Чистых прудов зависла заявка на доставку премиальных кондитерских наборов, помеченная красным флажком высшей категории срочности.

В этот момент за тяжелыми стеклянными дверями приемной раздался приглушенный грохот, подозрительно похожий на падение штабеля деревянных поддонов, а следом послышался возмущенный женский визг дежурного секретаря Анжелы: «Мужчина, куда вы без магнитного пропуска? Сюда нельзя, здесь закрытая операционная зона! Я нажимаю кнопку охраны!»

«Девушка, милая, вызывайте хоть вертолет с ОМОНом, но сначала примите обратно ваших водоплавающих родственников!» раздался в ответ густой, бархатистый, однако предельно взвинченный мужской бас. «У меня на кухне тридцать градусов жары, а в коридоре тает чужое рыбное хозяйство!»

Створка двери распахнулась с таким размахом, что ударилась о резиновый упор в стене. В залитый неоновым светом зал решительным шагом вошел высокий широкоплечий мужчина лет тридцати в расстегнутом темно-синем пуховике, из-под которого виднелся плотный холщовый фартук кофейного оттенка. На голове у него красовалась темная вязаная шапка, сдвинутая на самый затылок, открывая лоб с непокорными темными кудрями, а на щеке у виска белело отчетливое пятно сухой пшеничной муки.

Самым впечатляющим в его облике был предмет, который незнакомец сжимал в правой руке, словно средневековый рыцарь фамильный палаш. Это был огромный, покрытый мохнатым серым инеем полиэтиленовый брикет, сквозь прозрачную пленку которого отчетливо проступали окоченевшие серебристые хвосты и выпученные ледяные глаза крупного дальневосточного минтая.

Весь диспетчерский зал, насчитывавший двенадцать человек, мгновенно затих. Даже стажер перестал стучать по клавиатуре, уставившись на рыбу так, будто она вот-вот должна была заговорить человеческим голосом и потребовать встречи с генеральным директором.

Мужчина обвел помещение быстрым яростным взглядом янтарных глаз, безошибочно вычислил самый невозмутимый эпицентр порядка в лице Глаши и широкими шагами направился прямо к ее рабочему столу.

«Кто здесь отвечает за направление срочных доставок с повышенным тарифом за надежность?» спросил он, остановившись в метре от ее перегородки. От него пахло морозной свежестью, горьким шоколадом, жженым сахаром и очень сильным, неподдельным возмущением.

Глаша медленно сняла гарнитуру, положила ручку точно параллельно краю блокнота и только после этого подняла глаза. Ее лицо выражало абсолютную, отполированную годами работы в кризисной логистике вежливость, способную довести до белого каления любого нормального человека.

«Доброе утро», ровным тоном произнесла она, скользнув взглядом по ледяному брикету. «Руководитель группы оперативного реагирования Корсакова. Если вы пришли по поводу открытой вакансии водителя-экспедитора в секторе замороженных полуфабрикатов, то отдел кадров находится на четвертом этаже, вход со стороны внутреннего двора. И проносить образцы продукции в диспетчерский зал категорически запрещено внутренним регламентом».

Мужчина на секунду опешил, словно натолкнулся на гранитный парапет набережной, затем издал короткий гортанный смешок и с глухим стуком опустил минтаевый монолит прямо на ее идеальный ламинированный стол, аккуратно пристроив его между подставкой для канцелярских принадлежностей и монитором. С промороженного пакета немедленно поползли крошечные капли талой воды.

«Я похож на соискателя вакансии водителя?» поинтересовался он, уперев руки в бока и наклоняясь к ней так близко, что Глаша различила тонкий, удивительно уютный аромат натуральной бурбонской ванили и мускатного ореха. «Меня зовут Матвей Берсенев. Я шеф-кондитер пекарни «Птичье молоко и перец» на Покровке. Два часа назад ваш фирменный фургон с жизнерадостной надписью «Доставим праздник вовремя» выгрузил у моих дверей вот это сокровище. В количестве пятнадцати ящиков. Ровно триста килограммов отборного океанического льда и чешуи».

Глаша окинула взглядом этикетку на коробке, торчащей из кармана его пуховика, и слегка приподняла левую бровь: «И что именно вас смущает в доставленном товаре, господин Берсенев? Недостаточная степень заморозки? Несоответствие заявленного веса в транспортной накладной?»

Матвей посмотрел на нее с выражением человека, которому предложили станцевать чечетку на горящих углях.

«Меня смущает биологический вид этого груза, уважаемая госпожа Корсакова», с преувеличенной кротостью ответил он, тыча пальцем в замороженную тушку. «Понимаете, в моем производственном цикле на сегодняшний день значилась выпечка четырехсот авторских пряничных замков с карамельными витражами для закрытого новогоднего приема холдинга «Гранд-Монолит». В моем заказе значилось сто двадцать килограммов марципановой массы из миндаля тонкого помола, сорок килограммов натурального какао-масла холодного отжима и три ящика сублимированной малины. А мне привезли трупы тресковых рыб и две коробки надувных снеговиков с китайскими гирляндами в животах. Скажите мне как специалист по

логистике: как именно я должен глазировать крыши сказочных дворцов замороженным минтаем? Размолоть его в блендере с сахарной пудрой или сразу украсить жабрами новогоднюю елку заказчика?»

Сидевший справа стажер издал сдавленный хрюкающий звук и торопливо уткнулся лицом в кружку. Глаша бросила на подчиненного уничтожающий взгляд, заставивший того мгновенно окаменеть, после чего быстро забарабанила пальцами по клавиатуре.

«Назовите номер накладной или экспедиторской расписки», потребовала она, открывая центральный реестр перевозок.

«Двенадцать дробь ноль восемьдесят четыре, литера «П»», отчеканил Матвей, не сводя с нее насмешливых глаз. «Курьер очень торопился, сунул мне планшет под нос со словами: «Шеф, распишись, там все по списку, я опаздываю на Таганку», после чего растворился в метели. Когда мы с помощником вскрыли первую термоупаковку, я едва не перекрестился».

Экран Глаши на секунду мигнул, загружая данные. Перед ее глазами развернулась карточка заказа, и ее безупречно прямая спина едва заметно напряглась.

В графе «Пункт назначения» стоял адрес на Покровке, но в поле товарной номенклатуры значился специальный государственный контракт: поставка сырья для комбината питания подведомственного пансионата в Одинцовском районе. А вот эксклюзивный кондитерский паллет из Германии и Бельгии, помеченный золотой пломбой партнерской программы, согласно отметке в путевом листе, был успешно отгружен сорок пять минут назад по адресу: улица Новый Арбат, дом тридцать шесть, банкетный блок Большого правительственного зала.

«Системная пересортица на главном терминале в Сабурово», констатировала Глаша абсолютно бесстрастным тоном, хотя внутри у нее все похолодело. «В связи с ночным падением серверов из-за скачка напряжения штрихкоды двух соседних паллетов были ошибочно продублированы в складской базе. Ваш марципан уехал на правительственный банкет, а их рыбное сырье прибыло к вам».

«Какая восхитительная, геометрически выверенная гармония», Матвей всплеснул руками, едва не смахнув со стола настольную лампу. «Значит, пока столичные чиновники будут закусывать шампанское моим бельгийским какао-маслом, я должен кормить вице-президента строительного холдинга жареным минтаем? Вы представляете себе, кто такая Валентина Сергеевна Градова? Это женщина, которая при виде малейшей трещины на глазури способна аннулировать подряд на полмиллиарда рублей. Моя пекарня брала под этот заказ целевой кредит на новое швейцарское оборудование. Если завтра к шести вечера замки не будут стоять в зале торжеств, меня разберут на запчасти прямо на Красной площади!»

«Господин Берсенев, драматизация ситуации не ускорит передачу служебной информации», сухо оборвала его Глаша, разворачивая к себе служебный телефон. «Мы зафиксировали факт инцидента. В соответствии с регламентом компании «Экспресс-Вектор», по вашему обращению будет сформирована внутренняя рекламация номер сорок семь. Срок рассмотрения претензий по коммерческим договорам третьей категории составляет от трех до пяти рабочих дней».

Матвей замер. Выражение его лица изменилось так стремительно, что Глаша невольно сжала пальцы в кулаки под столешницей. Насмешливая легкость испарилась, сменившись тяжелым, пристальным вниманием человека, которого загнали в угол, но который совершенно не собирается сдаваться без драки.

«Сколько дней, простите?» очень тихо переспросил он. «От трех до пяти? Сегодня двадцать восьмое декабря. Через три дня наступит новый год. Вы предлагаете мне подождать до третьего января, пока ваш комитет по рекламациям допьет праздничное шампанское и вежливо сообщит мне о банкротстве моей кондитерской?»

«Это утвержденный регламент работы юридического лица в предпраздничный период», отрезала Глаша, чувствуя, как внутри закипает глухое профессиональное упрямство. «Я не

могу щелкнуть пальцами и телепортировать триста килограммов сырья с закрытого режимного объекта на Новом Арбате. Здание мэрии оцеплено службой безопасности, въезд грузового транспорта без предварительной спецзаявки за сорок восемь часов туда физически невозможен. Кроме того, наши штатные курьеры расписаны до десятого января».

«Значит, вы ничего не собираетесь делать?» Матвей опёрся обеими ладонями о край ее стола, заставив монитор слабо вздрогнуть. Талая вода от минтая уже подобралась к уголку ее кораллового блокнота. «Вы просто разведете руками, сошлетесь на серверный сбой и вернетесь к своему остывшему кофе?»

«Я действую строго в рамках своих должностных обязанностей!» Глаша впервые повысила голос, и в ее серых глазах сверкнула холодная искра. «Я не виновата в том, что в Москве метет метель десятый час подряд, база перегружена, а вы решили доверить транспортировку критически важного сырья без заказа бронированного сопровождения!»

«Я доверил груз компании, которая рекламирует себя из каждого утюга как служба безупречной точности!» парировал Матвей, сверкая карими глазами. «И если ваша система дает сбой, расплачиваться за нее должны не мои клиенты, а те, кто сидит в теплых креслах и строчит бессмысленные служебные записки!»

Они тяжело дышали, глядя друг на друга через разделявший их метровый зазор офисного пространства, словно два фехтовальщика перед решающим выпадом. В тишине зала было слышно лишь монотонное гудение вентиляторов и мерное падение капель с хвоста дальневосточной рыбы на чистый лист служебного акта приема-передачи.

Глава 2. Протокол внештатного соглашения

Напряжение между ними сгустилось до такой плотности, что в воздухе, казалось, можно было развешивать мокрое белье. Диспетчеры за соседними столами старательно делали вид, будто поглощены изучением дорожных карт Подмосковья, но периодические судорожные движения компьютерных мышек выдавали их с головой.

«Значит так, госпожа специалист по стандартным рискам», нарушил молчание Матвей, медленно выпрямляясь и пряча руки в глубокие карманы пуховика. «Давайте перейдем на понятный вам язык цифр и неустоек, раз уж запах жженого сахара и чужие беды не вызывают у вас сочувствия. В моем договоре с холдингом «Гранд-Монолит» прописан пункт об ответственности сторон за срыв сроков торжественного приема. Сумма штрафа составляет ровно пять миллионов рублей. Плюс стоимость аренды двух швейцарских темперирующих машин, взятых в лизинг под этот заказ. Если завтра к вечеру пряничные замки не окажутся на столах, моя пекарня перестанет существовать в течение сорока восьми часов. Судебные приставы просто опечатают двери, а оборудование уйдет с молотка».

Глаша почувствовала, как под ключицами заныла тупая знакомая тревога. Название строительного холдинга резануло слух с неприятной отчетливостью: «Гранд-Монолит» являлся не просто сторонним заказчиком кондитерской, он был генеральным якорным клиентом всей транспортной группы «Экспресс-Вектор». Именно их строительные площадки и офисные башни приносили компании треть годовой выручки. Если скандал с испорченным приемом выйдет на уровень совета директоров, генеральный не станет разбираться, чья смена допустила ошибку на сервере в Сабурово. Первой под сокращение пойдет голова начальника группы оперативного реагирования.

Вместе с должностью испарится годовой бонус. Тот самый бонус, ради которого она последние одиннадцать месяцев ночевала на дежурствах, пила безвкусный кофе литрами и отказывалась от отпусков. Сумма бонуса была до копейки расписана в ее голове: полное досрочное погашение остатка ипотечного кредита за двухкомнатную квартиру на Преображенке. Мысль о том, что ключи от собственного, с таким трудом отвоеванного жилья могут снова повиснуть на волоске банковских процентов, отозвалась во рту горьким привкусом железа.

Она открыла рот, чтобы произнести очередную выверенную фразу об объективных трудностях координации, но в этот момент ее личный смартфон, лежавший рядом с клавиатурой, зашевелился и запел бодрую мелодию старого советского марша энтузиастов.

На экране крупными буквами высветилось: «Мама».

Глаша внутренне подобралась, словно перед прыжком в ледяную прорубь. Звонки Инны Эдуардовны в разгар рабочего дня никогда не предвещали ничего хорошего. Обычно они означали, что семейный совет в Переделкино утвердил очередную директиву по исправлению жизненного пути непутевой дочери.

«Мне нужно ответить», бросила Глаша Матвею, надеясь, что он хотя бы сделает шаг назад.

«Сделайте милость», язвительно усмехнулся кондитер, прислоняясь бедром к кромке стола и скрещивая ноги. «Я никуда не тороплюсь. Мой минтай тоже подождет, ему теперь совершенно некуда спешить».

Глаша глубоко вздохнула, провела пальцем по экрану и прижала трубку к уху, стараясь придать голосу максимально бодрый и беззаботный тон: «Да, мамочка, добрый день. У меня сейчас оперативное совещание, если что-то срочное...»

«Глашенька, здравствуй», раздался в динамике безупречно поставленный голос бывшего завуча, в котором сквозила тяжелая педагогическая скорбь. «Я звоню буквально на две

минуты, чтобы уточнить меню на завтрашний вечер. Тетя Тамара уже третий час вываривает говяжьи лытки для своего фирменного заливного, а отец достал из буфета кузнецовский сервиз. Но главное даже не это. Вчера вечером нам звонил Аркадий».

Глаша застыла. Пальцы ее левой руки побелели, сжав край столешницы так сильно, что ноготь коротко хрустнул.

«Зачем он звонил, мама?» тихо, сквозь зубы спросила она, краем глаза заметив, как Матвей мгновенно навострил уши, уловив резкую смену ее интонации.

«Как зачем, девочка моя?» в голосе матери зазвенели нотки снисходительного торжества. «Человек повел себя как истинный джентльмен и зрелый мужчина. Он признал, что был излишне резок в ноябре, когда заговорил о временной паузе в ваших отношениях. Он сказал, что в преддверии праздника готов перешагнуть через мелкие разногласия и приехать к нам на дачу двадцать девятого числа, чтобы встретить наступающий год в кругу семьи. Он даже спросил, какой чай предпочитает твой отец! Ты понимаешь, что это значит, Аглая? Это шанс все исправить. Тебе скоро двадцать девять лет. Женщина не должна строить из себя неприступную крепость, когда судьба протягивает ей руку».

Перед внутренним взором Глаши с пугающей четкостью всплыло холеное, безупречно гладкое лицо Аркадия, его мягкое кашемировое пальто и то самое памятное ноябрьское утро в их общей прихожей. «Понимаешь, Глаша», вещал тогда Аркадий, аккуратно поправляя шелковый шарф перед зеркалом, «ты слишком функциональна. С тобой невозможно почувствовать себя защитником. Ты расписала график совместных ужинов в таблице и прикрепила его магнитом к холодильнику. Любовь не терпит складского учета. Нам обоим нужно повзрослеть порознь».

И теперь, узнав через общих знакомых, что ее кандидатуру выдвинули на должность заместителя директора логистического департамента с существенным пакетом акций, этот образцовый представитель столичной адвокатуры решил великодушно «перешагнуть через разногласия».

Глаша почувствовала, как волна горячей ярости ударила ей в виски, начисто смывая привычную сдержанность.

«Мама, послушай меня внимательно», сказала она очень отчетливо, глядя в стену перед собой. «Передай Аркадию, что кузнецовский сервиз останется цел. Он никуда не приедет. Потому что мы расстались окончательно и бесповоротно еще полтора месяца назад».

«Аглая, не говори глупостей!» голос Инны Эдуардовны мгновенно обрел металлическую твердость завуча, поймавшего двоечника с сигаретой за гаражами. «Мы уже пригласили соседей, Академик Смирнов обещал зайти на пирог! Тетя Тамара везет подарок! Что мы скажем людям? Что наша дочь в канун тридцатилетия осталась одна у разбитого корыта из-за своего невыносимого упрямства?»

«Я не осталась одна!» вырвалось у Глаши прежде, чем рассудок успел нажать на тормоза. «У меня есть мужчина. Мы живем вместе уже месяц. И двадцать девятого числа мы приедем в Переделкино вдвоем».

В трубке воцарилась гробовая тишина, нарушаемая лишь далеким бульканьем холодца тети Тамары.

«Что ты сказала?» потрясенно выдохнула мать. «Кто он? Откуда? Почему мы ничего не знаем? Какая у него фамилия, специальность, семья?»

Глаша в панике оглядела свой стол, наткнулась взглядом на Матвея, который с искренним изумлением и растущим восторгом наблюдал за ее монологом, и выпалила первое, что пришло в голову: «Его зовут Матвей. Он шеф-повар и владелец собственного кондитерского дома на Покровке. Он человек искусства, мама. И он категорически против присутствия посторонних юристов за семейным столом. Все, у меня вторая линия, целую!»

Она торопливо сбросила вызов, швырнула телефон на кипу накладных и закрыла пылающее лицо обеими ладонями. Воздуха катастрофически не хватало.

«Человек искусства, значит?» послышался над ухом вкрадчивый насмешливый голос. «Владелец кондитерского дома? Прозвучало весьма солидно, Аглая Львовна. Особенно трогательно было про «живем вместе целый месяц». Надеюсь, я не разбрасываю свои грязные носки по вашей идеально распланированной квартире?»

Глаша медленно опустила руки. Ее щеки горели пунцовым пламенем, но в глазах снова собрался ледяной холод загнанного в ловушку зверя.

«Забудьте все, что только что слышали, господин Берсенев», процедила она. «Это была минутная слабость, продиктованная исключительно семейными обстоятельствами. Сейчас я оформлю официальный запрос руководству терминала, и мы...»

«И мы потеряем еще сутки, после чего меня разорят, а вас уволят за срыв ключевого клиента», легко подхватил Матвей, обходя стол и усаживаясь на свободный стул для посетителей. Он закинул ногу на ногу и посмотрел на нее с неожиданной, почти деловой серьезностью. «Послушайте, Корсакова. Кажется, само провидение в лице замороженного минтая только что свело нас вместе. У вас огромная беда с родителями и бывшим женихом, жаждущим реванша на фоне кузнецовского фарфора. У меня гигантская беда с тремя центнерами марципана, запертыми в бункере столичного правительства. Мы оба стоим на краю финансовой и личной пропасти. Почему бы нам не заключить временный союз?»

Глаша недоверчиво сощурилась: «Какой еще союз?»

«Предельно прагматичный», Матвей придвинулся ближе, заговорив тихим, гипнотическим шепотом. «Я готов сыграть роль вашего пылкого, без памяти влюбленного и безупречно воспитанного жениха перед лицом вашей матушки, тети с ее химическим холодцом и того самого юриста Аркадия. Я умею вести светские беседы о балансе кислотности в десертах, цитировать Бродского с нужным придыханием и целовать ручки пожилым дамам так, что они забывают выключить утюг. Я нейтрализую вашего бывшего с гарантией качества. Но взамен мне нужны вы».

«В каком смысле?» Глаша инстинктивно отодвинулась назад вместе со стулом.

«В самом прямом, профессиональном смысле», Матвей не сводил с нее ясных янтарных глаз. «Вы берете свою служебную карточку, доступ к базам, служебный пропуск и лично отправляетесь со мной на операцию по спасению марципана. Мы вытаскиваем сырье из банкетного зала мэрии, находим недостающие ингредиенты на оптовых складах, а потом вы помогаете мне организовать производственный конвейер на кухне. Ваша хваленая логистика и маниакальная страсть к учету как раз спасут меня от хаоса. Семьдесят два часа. Никаких чувств, только чистая сделка. Спасенные замки спасут вашу карьеру и мой бизнес, а визит в Переделкино спасет вашу гордость».

Глаша молчала. Логическая часть ее мозга, привыкшая просчитывать вероятности отказов сложных систем, отчаянно кричала, что это безумие, нарушение всех писаных регламентов и прямая дорога к административному самоубийству. Но другая часть, живая, израненная ноябрьским предательством и страхом потерять все, за что она боролась последние годы, шептала, что иного выхода просто не существует.

Она перевела взгляд на ледяной монолит рыбы, затем на коробку конфет в кармане Матвея, и, наконец, посмотрела прямо в его лицо.

«У вас есть бумага?» спросила она сухо.

Матвей полез в карман фартука, вытащил сложенную вчетверо белую бумажную салфетку с логотипом своей пекарни и положил ее перед ней: «Только это. Подойдет для внештатного соглашения?»

Глаша взяла гелевую ручку и с жестким нажимом вывела в верхней части салфетки: «Протокол оперативного взаимодействия от двадцать восьмого декабря».

Ниже она быстро перечислила: «Пункт первый. Сторона А обязуется обеспечить доступ к перемещенному грузу и предоставить аналитическое сопровождение маршрута. Пункт второй. Сторона Б обязуется обеспечить достоверную имитацию романтической привязанности в поселке Переделкино без перехода личных границ и физического контакта сверх необходимого минимума. Пункт третий. Все взаимные претензии по качеству рыбной продукции аннулируются в момент передачи первой партии пряничных конструкций».

Она поставила четкую подпись с изящным росчерком и развернула салфетку к нему: «Распишитесь, господин кондитер. И молитесь, чтобы ваш фургон завелся с первого раза».

Матвей с широкой, ослепительной улыбкой перехватил ручку, размашисто черкнул свое имя и протянул ей широкую теплую ладонь: «Моя «Тыква» никогда не подводит, Аглая Львовна. Собирайте вещи. Наш персональный предновогодний кошмар только что перешел в активную фазу».

Глава 3. Жёлтая тыква на Чистых прудах

Когда Аглая застегнула под горло длинный пуховик цвета мокрого базальта, натянула на руки плотные кожаные перчатки и подхватила тяжелую сумку с ноутбуком, дежурный стажер посмотрел на нее с таким выражением, будто она собралась шагнуть в открытый шлюз орбитальной станции без скафандра.

«Аглая Львовна», робко пролепетал он, приподнимаясь со своего кресла. «А если позвонит генеральный? Что сказать про северный сектор и пересортицу в Сабурово?»

Глаша на секунду замерла в дверях, обернулась и окинула диспетчерский зал прощальным взглядом полководца, оставляющего штаб на младших офицеров: «Скажите, что я провожу выездной оперативный аудит в полевых условиях повышенной сложности. Все экстренные запросы перенаправляйте на старшего смены. Минтай на столе не трогать. Это вещественное доказательство системной уязвимости нашего софта. Если растает, протрите салфетками».

Спускаясь в лифте на первый этаж, она чувствовала, как внутри всё сжимается в тугой, вибрирующий комок. Подобных безумных поступков она не совершала примерно никогда в жизни. Вся ее биография, начиная с золотой медали в гимназии и красного диплома факультета логистики Высшей школы экономики, представляла собой образец безукоризненного следования правилам. Она никогда не опаздывала на поезда, хранила чеки за коммунальные услуги в хронологических папках с цветными разделителями и меняла резину на служебном автомобиле ровно за две недели до первых заморозков. А сейчас она добровольно шла за незнакомым мужчиной с мукой на виске, чтобы спасать чужие пряники под угрозой увольнения.

На служебной парковке возле шлагбаума их ждал автомобиль. При виде этого транспортного средства Глаша невольно остановилась посреди сугроба и с тихим ужасом протерла глаза.

Перед ней стоял ярко-желтый, круглый, словно переспелый кабачок, микроавтобус «Фольксваген Т3» примерно 1986 года выпуска. Его пузатый капот был украшен нарисованным через трафарет белым цветком ванили, по периметру лобового стекла тянулась гирлянда с мелкими теплыми лампочками, запитанная от прикуривателя, а на заднем стекле красовалась гордая рукописная надпись: «Не сигналь, я пеку счастье».

«Знакомьтесь, Аглая Львовна», с неприкрытой отцовской гордостью произнес Матвей, похлопывая ладонью по помятому желтому крылу. «Это моя «Тыква». Единственный в своем роде сухопутный крейсер с независимой душой и подогревом водительского сиденья. Прошу на борт».

«Господин кондитер, это не крейсер, это музейный экспонат эпохи поздней перестройки», холодно заметила Глаша, осторожно дергая за ручку пассажирской двери. Ручка поддалась с жалобным металлическим лязгом. «У нее есть действующий талон технического осмотра? Тормозные колодки проверяли в этом десятилетии?»

«Обижаете», Матвей ловко запрыгнул на водительское место, поправил зеркало заднего вида и повернул ключ в замке зажигания.

Старый дизельный мотор чихнул, выбросил в морозный воздух облачко серого дыма, недовольно заурчал, но затем ровно и густо заработал, наполняя тесную кабину низким вибрирующим гулом. Из дефлекторов печки мгновенно пахнуло смесью горячего машинного масла, жженой корицы, старого дерматина и сушеной апельсиновой корки.

«Тормоза придумали трусы, а у нас впереди великая спасательная экспедиция», бодро сообщил Матвей, включая первую передачу. «Пристегнитесь, если найдете ответную часть ремня. Она обычно прячется под ковриком».

Глаша с трудом выудила из-под сиденья металлический замок, защелкнула ремень и решительно раскрыла на коленях планшет с картой городских заторов: «Выезжаем на Буль-

варное кольцо. В сторону Покровки сейчас глухая пробка в районе Чистопрудного бульвара. Навигатор предлагает объезд через набережную Яузы, выигрыш составит ровно двенадцать минут».

Матвей даже не взглянул на светящийся экран: «Ваш навигатор не знает тетю Клаву, которая перекрыла шлагбаум во втором Спасоглинищевском переулке из-за разгрузки мебельного фургона. Мы поедем дворами через Солянку. Там есть секретная подворотня, где зимой дворники складывают снег, если разогнаться по колее, проскочим прямо к нашему дворику».

«Это нарушение схемы движения по жилой зоне!» Глаша вцепилась пальцами в ручку над дверью, когда фургон с лихим заносом вильнул в узкую заснеженную арку между старыми доходными домами.

«Зато это экономит пятнадцать минут драгоценного времени до прибытия инспекции», невозмутимо парировал кондитер, ловко работая огромным тонким рулем. «Скажите, Корсакова, вы всегда разговариваете выдержками из административного кодекса или это специальный защитный рефлекс против радостей жизни?»

«Это здравый смысл человека, который отвечает за последствия своих действий», отрезала Глаша, чувствуя, как фургон с хрустом преодолевает очередной снежный бруствер. «В отличие от творческих личностей, считающих, что законы физики и договоров писаны исключительно для зануд».

Матвей коротко покосился на нее, и в уголках его губ промелькнула мягкая, неожиданно теплая улыбка: «Знаете, что самое смешное в людях с идеальными блокнотами? Вы так боитесь оступиться, что превращаете собственную жизнь в расписание пригородных электричек. Все должно идти строго по путям, минута в минуту, без малейшего отклонения. А потом приходит снегопад, стрелку клинит, и весь ваш безупречный мир летит под откос просто потому, что вы забыли взять с собой термос с горячим чаем».

Глаша хотела ответить язвительной отповедью о том, что именно на таких, как она, держится вся мировая экономика, но слова застряли в горле. В его замечании прозвучала пугающе точная правда, ударившая прямо по открытой ране. Аркадий говорил почти то же самое, только в его устах это звучало брезгливым приговором, а в голосе Матвея слышалось странное, щемящее любопытство.

Фургон резко затормозил у чугунных ворот глухого старинного дворика на Покровке, засыпанного пушистым свежим снегом. В глубине двора, под сенью векового вяза, светились два больших полукруглых окна первого этажа, забранные коваными решетками в форме виноградных лоз. Над деревянной дубовой дверью висела аккуратная медная вывеска с выпуклыми буквами: «Птичье молоко и перец. Ремесленная пекарня».

Едва Матвей заглушил двигатель, дверь заведения распахнулась настежь, и на крыльцо кубарем вылетел худой, как жердь, парень лет двадцати двух в огромном белом поварском колпаке, сползшем на самое ухо, и фартуке, сплошь покрытом пятнами шоколадной глазури. В руках он судорожно сжимал большой проволочный венчик для взбивания белков, словно намеревался обороняться им от вооруженного нападения.

«Матвей Алексеевич!» истошным шепотом закричал парень, соскальзывая с обледенелых ступеней и едва удерживая равновесие. «Она звонила! Прямо на городской телефон пекарни! Я думал, у меня сердце разорвется прямо над миской с безе!»

Матвей выбрался из кабины, помог выйти Глаше, галантно придержав ее за локоть через толстый рукав пуховика, и нахмурился: «Сема, дыши глубже. Кто звонил? Градова?»

«Она самая!» Семен Рубинчик замахал венчиком, поднимая в воздух крошечные снежные вихри. «Лично Валентина Сергеевна! Голос такой, будто она жидким азотом запивает битое стекло. Сказала дословно: «Передайте вашему безответственному кондитеру, что завтра в восемнадцать ноль-ноль на закрытом рауте холдинга будет присутствовать первый заместитель префекта центрального округа. Если пряничные замки не будут стоять на подиумах

в полном комплекте с карамельной подсветкой, я лично позабочусь о том, чтобы этот клоповник снесли под расширение платной парковки!» Матвей Алексеевич, это конец! Нас закатают в асфальт! Я читал отзывы о ее компании, они в прошлом году снесли целый исторический элеватор за два часа!»

«Сема, уймись», твердо произнес Матвей, кладя широкую ладонь на плечо дрожащего помощника. «Элеватор снесли по программе реновации промзон, а не из-за пряников. Знакомься, это Аглая Львовна Корсакова. Наш главный кризисный комиссар и логистический щит. Она здесь, чтобы вернуть нам марципан и спасти тебя от преждевременной седины».

Семен уставился на Глашу круглыми глазами, полными священного ужаса и внезапной надежды: «Вы из прокуратуры?»

«Хуже, Семен», вздохнула Глаша, отряхивая снег с брючин. «Я из службы экспресс-доставки. И сейчас мы зайдем внутрь, проведем полную инвентаризацию остатков и составим поминутный план войсковой операции. Время пошло».

Внутри пекарни было удивительно тихо, тепло и просторно. Высокие сводчатые потолки из старого дореволюционного кирпича хранили эхо прошлых веков, вдоль стен тянулись массивные столы с безупречно чистыми столешницами из белого каррарского мрамора, предназначенного для работы с шоколадом. На открытых деревянных полках стройными рядами стояли стеклянные банки с палочками цейлонской корицы, звездочками бадьяна, стручками черной бурбонской ванили и сушеными бутонами роз.

Однако сердце пекарни спало. Четыре огромные профессиональные подовые печи стояли холодными, с темными выключенными дисплеями. На центральном столе сиротливо белела пара пластиковых ведер с готовой сахарной пудрой и стояла коробка с образцом пряничного фасада.

Глаша подошла ближе и невольно залюбовалась. Это был не просто кондитерский сувенир, а настоящее произведение архитектурного искусства. Стены из темного имбирного теста повторяли кладку готического замка, тончайшая белоснежная глазурь имитировала затейливые кружева карнизов, а в оконных проемах мерцала полупрозрачная янтарная карамель, сквозь которую должен был струиться свет диодных гирлянд.

«Вы сами разработали эти формы?» спросила она, осторожно проводя кончиком перчатки возле остроконечной башенки, не решаясь дотронуться до хрупкого сахара.

«Сам», Матвей сбросил пуховик на вешалку, оставшись в мягком темно-сером свитере крупной вязки с закатанными рукавами, обнажавшими крепкие предплечья. «Каждая деталь отливается вручную. Стены выпекаются по старинному рецепту с добавлением темного гречишного меда, трех видов перца и ржаной муки грубого помола. Они могут стоять месяцами и не черстветь. Но чтобы собрать четыреста таких замков, нам нужно сто двадцать килограммов марципана для внутренней связки башен и сорок килограммов какао-масла для защитного слоя. Без них конструкция просто осядет под собственным весом через два часа после сборки».

«Где находится сырье прямо сейчас?» Глаша расстегнула сумку, достала ноутбук и быстро подключилась к служебной базе данных через мобильную точку доступа.

«Согласно вашим утренним накладным, паллет номер семьдесят два сгрузили на служебном пандусе банкетного блока Большого правительственного зала на Новом Арбате», ответил Матвей, заглядывая ей через плечо. «Приемщиком расписался некий старший комендант Пахомыч. Доступ туда только по спецпропускам аппарата мэрии».

Глаша быстро застучала по клавишам, проверяя внутренние служебные формуляры компании: «У меня есть стандартный отзывной ордер формы восемь «Б» на случай ошибочной отгрузки опасных или несоответствующих грузов. С печатью нашей службы безопасности. Если мы приедем туда до семи вечера, пока дежурит дневная смена охраны, и предъявим документы о пересортице, есть шанс забрать паллет без привлечения префектуры».

«А если Пахомыч пойдет на принцип и откажется открывать хозяйственный блок без личной подписи начальника протокольной службы?» с сомнением поинтересовался Семен, нервно комкая край фартука.

Глаша захлопнула ноутбук и посмотрела на Матвея долгим, оценивающим взглядом: «Тогда, господин шеф-повар, вам придется применить весь свой декларированный талант очарования и цитирования классиков. Берите пустые термоконтейнеры. Мы выезжаем на Новый Арбат».

Глава 4. Похищение марципана под видом Снегурочки

Новый Арбат гудел и переливался тысячами холодных неоновых огней, сквозь которые сплошной белой стеной хлестала предновогодняя метель. Свинцовые сугробы по обочинам правительственной трассы росли буквально на глазах, снегоуборочные тракторы с оранжевыми проблесковыми маячками выстроились клином у тротуаров, а желтая «Тыква» Матвея упрямо пробивалась сквозь плотный поток представительских седанов, урча старым мотором так натужно, будто тянула за собой груженый океанский танкер.

У служебного въезда в цокольный блок Большого правительственного зала дорогу им преградил полосатый шлагбаум и глухая стеклянная будка контрольно-пропускного пункта. Из будки, кутаясь в тулуп из овчины, неторопливо выбрался рослый охранник с полосатым жезлом и тяжелым фонарем на поясе.

«Куда прете на служебный пандус на таком корыте?» хмуро осведомился он, постучав толстой варежкой по стеклу кабины. «Здесь зона специального назначения, заезд только по пропускам протокольного управления. Разворачивайтесь, пока патруль ДПС не вызвал».

Глаша решительно опустила боковое стекло, не обращая внимания на хлестнувший в лицо ледяной вихрь, и плавным выверенным жестом раскрыла перед носом охранника жесткую кожаную корочку со служебной голограммой компании «Экспресс-Вектор».

«Добрый вечер, капитан», произнесла она тем особенным, леденящим кровь тоном старшего инспектора контрольно-ревизионного управления, от которого у начальников складов обыкновенно холодели пальцы на ногах. «Внеплановое предписание номер восемь дробь Б главного диспетчерского управления. На вашем пандусе сорок минут назад была произведена ошибочная выгрузка коммерческого паллета повышенной санитарной категории. В случае промедления с возвратом груза протокол инцидента будет направлен дежурному секретарю правительства Москвы с указанием на нарушение регламента антитеррористической безопасности закрытых объектов. Номер вашего жетона уже зафиксирован в системе. Открывайте шлагбаум».

Охранник моргнул, перевел растерянный взгляд со строгого, не терпящего возражений лица Глаши на ламинированный служебный бланк с пунцовой треугольной печатью, торопливо козырнул толстой варежкой и нажал кнопку на пульте. Шлагбаум взмыл вверх, открывая путь в подземный бетонный тоннель.

Матвей с неприкрытым восхищением присвистнул, плавно нажимая на педаль газа: «Корсакова, вы просто ходячее оружие массового бюрократического поражения. Научите меня так смотреть на кредитных инспекторов, и я подарю вам пожизненный абонемент на шоколадные трюфели».

«Меньше лирики, Берсенев», оборвала его Глаша, пряча удостоверение во внутренний карман. «У нас ровно двадцать пять минут до пересменки караула. Если мы не найдем старшего коменданта до семи вечера, ворота заблокируют на ночь».

Внутри подземного распределительного сектора пахло хлоркой, влажным бетонным полом, машинным мылом и свежими еловыми лапами. Где-то наверху, за толстыми железобетонными перекрытиями, глухо ухал праздничный духовой оркестр и звенели детские голоса: в главном зале шла генеральная репетиция губернаторской новогодней елки.

Они припарковали фургон у разгрузочной площадки номер три и быстро зашагали по длинному кафельному коридору, ориентируясь по указателям «Склад декораций и реквизита».

Нужная дверь с табличкой «Старший комендант хозяйственной части Пахомыч И. В.» обнаружилась в самом тупике коридора. За дверью царил сонный провинциальный уют: в углу на электрической плитке булькал пузатый эмалированный чайник, на столе среди кип накладных стояла раскрытая банка шпрот, а на старом продавленном диване сидел кряжистый дед в

синем форменном халате поверх ватных штанов и в настоящих войлочных бурках с кожаными союзками.

«Чего шастаете?» недружелюбно прошамкал дед, не вынимая изо рта алюминиевой ложки с янтарным чаем. «Сказано же русским языком: выдача подарков и сувенирной продукции начнется завтра после утреннего спектакля. Никаких досрочных коробок не велено трогать».

«Уважаемый Иван Васильевич», Матвей шагнул вперед, мгновенно включая самое обезоруживающее обаяние, на какое только был способен. «Мы не за подарками. Мы те самые несчастные кондитеры, чей импортный марципан ваши экспедиторы по ошибке сгрузили вместо замороженного рыбного филе. Вот наш отзывной талон, вот номер паллета. Отдайте нам наши ящики, и мы исчезнем так тихо, будто нас здесь и не было».

Пахомыч медленно отложил ложку, надел на мясистый нос тяжелые очки в роговой оправе, скрестил руки на объемистом животе и окинул визитеров взглядом деревенского старосты, уличившего соседей в краже сена.

«А хоть бы и марципан», раздельно проговорил он, с наслаждением смакуя каждое слово. «Паллет сгружен? Сгружен. На баланс временного хранения поставлен? Поставлен. Печать комендатуры на въездном листе стоит? Стоит. А по распоряжению художественного руководителя праздника, до окончания генерального прогона ни одна мышь из служебного блока ничего не вынесет без визы режиссера и личной подписи Деда Мороза. Потому как у нас строгая материальная ответственность за каждый сладкий грамм».

«Какой еще режиссер? Какой Дед Мороз?» Глаша шагнула к его столу, чувствуя, как внутри начинает пульсировать опасный гнев. «Это чужая коммерческая собственность, доставленная по ошибочному адресу! Вы удерживаете сырье незаконно!»

«А вы мне тут параграфами не машите, барышня», невозмутимо отмахнулся Пахомыч, отхлебывая чай из щербатой кружки. «У меня своя инструкция от тысяча девятьсот восемьдесят пятого года, утвержденная исполкомом. Без подписи ответственного за детскую программу ключ от спецхрана не дам. А ответственный сейчас на сцене мечется, потому как артист из Малого театра, который должен был дедушку играть, в лифте на тверской застрял с радикулитом. Вот идите на сцену и договаривайтесь».

Матвей и Глаша переглянулись. В глазах кондитера вспыхнул отчаянный, хулиганский огонек, от которого у Глаши похолодело под ложечкой.

«Идемте, Корсакова», решительно произнес он, беря ее за руку и увлекая обратно в коридор. «Кажется, судьба не оставляет нам выбора. Придется прибегнуть к методам классической драматургии».

За кулисами главного концертного зала царил форменный сумасшедший дом. По узким проходам между бархатными кулисами с визгом носились тридцать первоклассников в костюмах белых зайчиков и блестящих снежинок. Костюмеры на ходу подкалывали булавками серебряную мишуру, осветители матерились в рации над головами, а в центре площадки, заламывая руки в шелковом шарфе, метался невысокий лысеющий режиссер в бархатном пиджаке.

«Катастрофа! Позор на всю Москву!» причитал он, тыча пальцем в наручные часы. «Через десять минут в зал спустится комиссия департамента культуры! Кто выйдет к детям? Кто споет вступительную величальную песню? Завхоз? Осветитель Степан? Где этот старый пьяница Валентин Петрович с его народным званием?»

Матвей, не сбавляя шага, подошел к режиссеру вплотную, расправил богатырские плечи и глубоким, поставленным оперным баритоном произнес прямо над его лысиной: «Здравствуйте, детишки, девчонки и мальчишки! С Новым годом поздравляю, счастья, радости желаю!»

Режиссер замер с открытым ртом, медленно повернулся, снизу вверх оглядел высокий рост Матвея, его стать, размах плеч и командирскую осанку, после чего издал сдавленный стон чистого экстаза.

«Боги Олимпа услышали мои молитвы!» взвизгнул он, хватая Матвея за лацканы свитера. «Фактура! Голос! Тембр шаляпинский! Душа моя, где ваш костюм? Костюмеры, живо сюда! Красный бархатный тулуп с серебряным кушаком, бороду на резинке номер три и посох с хрустальным набалдашником! Срочно!»

«Стойте, мы не артисты!» попыталась вмешаться Глаша, но режиссер уже цепко вцепился в ее рукав: «А это кто? Снегурочка? Глаза строгие, породистые, осанка северная, настоящая внучка из Великого Устюга! Девушка, не ломайтесь, спасайте честь столичного просвещения! Голубой полушубок на нее, кокошник с жемчужной сеткой и серебряную косу на заколках!»

Прежде чем Глаша успела произнести хоть слово о нарушении трудового законодательства и неприкосновенности частной жизни, две проворные женщины-костюмерши набросили на ее плечи тяжелый, расшитый бисером лазоревый полушубок с пушистой песцовой опушкой, а на голову ловким движением водрузили высокий серебряный кокошник, мгновенно стянувший виски.

Матвея тем временем уже упаковали в роскошную парчовую шубу до пят, натянули на кудри белоснежную кудрявую бороду из отборного конского волоса и сунули в правую руку тяжелый деревянный посох, увенчанный граненым стеклянным шаром.

«Корсакова», пророкотал Матвей из-под пышных усов, подмигивая ей шальным янтарным глазом, «вы выглядите так, будто готовы расстрелять этот детский сад из крупнокалиберного пулемета. Улыбнитесь шире. Снегурочки не составляют финансовые отчеты, они дарят людям радость».

«Берсенев, если мы не получим марципан через десять минут, я лично задушу вас этой бородой», прошипела Глаша, отчаянно пытаясь удержать на голове тяжелую конструкцию кокошника.

«Занавес пошел! Музыка, финал первого акта!» взревел режиссер, выталкивая их в спину прямо на ярко освещенную авансцену.

Ослепительный свет театральных прожекторов ударил в глаза. В зале замерли ряды зрителей, среди которых сидели чиновники в строгих костюмах и дети в праздничных платьях. Оркестр грянул торжественное вступление, и тридцать зайцев с писком окружили их плотным кольцом, ожидая чуда.

Матвей ни на секунду не смутился. Он ударил посохом о деревянные половицы сцены с таким громоподобным звоном, что под потолком качнулись хрустальные люстры, раскинул руки в широких расшитых рукавах и выдал импровизацию чистейшей воды:

«Из лесов далеких, снежных, Где мороз звенит хрустальный, Мы пришли к вам с вестью нежной В этот вечер триумфальный! Пусть растут дома большие, Сладким будет каждый пряник, И печали вековые В этот светлый миг растают!»

Зал взорвался дружными аплодисментами. Режиссер за кулисами беззвучно плакал от счастья, прижимая ладони к щекам.

«А теперь, внученька моя Снегурочка», Матвей повернулся к остолбеневшей Глаше, широко разводя руками, «покажи нашим славным зайчикам и снежинкам, как правильно водить праздничный хоровод по всем правилам северного гостеприимства!»

Глаша набрала полную грудь воздуха, поняла, что отступать некуда, шагнула вперед и звонким, командным голосом отчеканила: «Внимание, хороводная группа! Дистанция между парами ровно полтора метра! Зайчики держат снежинок за запястья, шаг с левой ноги на раз-два! Круговое движение по часовой стрелке, темп умеренный, не сбивать траекторию!»

Дети от такой неожиданной военной четкости мгновенно построились в идеальный, безукоризненно ровный круг и зашагали с такой синхронностью, какой режиссер не мог добиться за три недели репетиций. Зал стоя приветствовал финал прогона громовой овацией.

Улучив момент, когда артисты массовки начали кланяться, Матвей подхватил Глашу под руку и, прикрываясь широкими полами парчовой шубы, увлек ее за кулисы, прямо в боковой проход, ведущий к складу декораций.

Пахомыч стоял в проходе с открытым ртом, все еще сжимая в руке кружку с остывшим чаем.

«Иван Васильевич!» прогремел Матвей, срывая бороду на подбородок и опираясь на посох. «Дедушка Мороз и Снегурочка лично свидетельствуют: праздник спасен! Вот постановление сказочной канцелярии на возврат чужого марципана. Открывай спецхран, пока я не заморозил твои шпроты до состояния гранитной крошки!»

Старик судорожно сглотнул, посмотрел на грозного бородатого великана, на строгую красавицу в жемчужном кокошнике, торопливо вытащил из кармана связку ключей и ткнул пальцем в глухую железную дверь: «В третьем отсеке ваш паллет... Забирайте Христа ради, только не колдуйте больше!»

Следующие пятнадцать минут превратились в яростный силовой спринт. Сбросив на ходу полушубки и кокошник, Глаша и Матвей таскали тяжелые тридцатикилограммовые картонные коробки с немецкой маркировкой по пандусу прямо в чрево желтого фургона. Руки гудели от тяжести, морозный воздух обжигал легкие, но когда последняя, четвертая коробка с редчайшим какао-маслом легла на пол рядом с мешками миндальной муки, Матвей с грохотом захлопнул задние распашные двери «Тыквы».

Они рухнули на передние сиденья, задыхаясь, мокрые от пота и снега, с пылающими щеками и взъерошенными волосами.

Матвей повернул ключ в замке, мотор взревел, и микроавтобус с пробуксовкой вылетел из подземного гаража на заснеженный Новый Арбат, оставив позади изумленного охранника и сверкающие башни правительственного комплекса.

Несколько секунд в кабине стояла мертвая тишина, нарушаемая лишь прерывистым дыханием двоих людей. А затем Глаша не выдержала. Она взглянула на Матвея, у которого на свитере все еще болтался клок белой искусственной бороды, представила свое собственное лицо в серебряном кокошнике, командующее первоклассниками, и звонко, неудержимо, до слез расхохоталась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.